

А.А. Кротов

Философия исторических альтернатив: «Ухрония» Шарля Ренувье

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой. МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; e-mail: krotov@philos.msu.ru

В статье анализируется философия истории основателя французской школы неокантианства, нашедшая выражение в идее Ухронии. Акцентируется внимание на теоретических установках, свойственных различным этапам творческого развития Ренувье, и на их связи с «утопией в истории». В своей философии истории Ренувье выступает против концепции предопределенности, необходимости всех происходящих событий. Он настаивает на присутствии свободы в истории, на возможности движения по иным путям социального бытия, не зафиксированным традицией. В альтернативной версии истории, изображенной французским мыслителем, христианство восторжествовало не на Западе, а на Востоке. Крестовые походы состоялись, но географически были устремлены в противоположном направлении. Прогресс в понимании религии возвращает позднее христианство на Запад в очищенном от фанатизма виде. Будущее человеческой цивилизации Ренувье связывает с республиканским общественным устройством. Он предсказывает прекращение всех видов войн. В осторожной, завуалированной форме он подвергает критике режим Второй империи во Франции. Концепция Ренувье заключала в себе как сильные, так и уязвимые стороны. Она плодотворна своим призывом ориентироваться в политической жизни на представление о действительности свободной воли человека, идею максимального наполнения моральным содержанием понятия государства. Она уязвима в своей интенции придавать решающее значение интеллектуальному фактору в истории.

Ключевые слова: Шарль Ренувье, неокритицизм, Ухрония, французская философия, философия истории

Шарль Ренувье (1815–1903), лидер неокантианского движения во Франции, хотя и воспринимался многими его современниками по преимуществу как создатель особой теоретико-познавательной концепции, вовсе не дистанцировался от проблем практической философии. Вопрос о политическом будущем человечества интересовал его с юных лет. Конечно, с годами, накопленным и переосмысленным опытом, его взгляд на этот вопрос приобретал новые черты, дополнялся и развивался. Он находит свое зрелое воплощение в сочинении «Ухрония» (1857). Но прежде,

чем это произведение было создано, автор проделал значительный творческий путь. Эволюция его воззрений напрямую связана с учением об «утопии в истории», которое, с одной стороны, резюмирует историю на определенном этапе, с другой – дает авторские ответы на вызовы времени. С современной точки зрения, его учение представляет интерес благодаря таким теоретическим аспектам, как метод и способ постановки философских проблем, многие из которых продолжают сохранять актуальный и дискуссионный характер. С другой стороны, система французского мыслителя важна в качестве одной из недостаточно изученных страниц в истории интеллектуальной культуры.

О развитии собственных идей Ренувье откровенно повествует, в частности, в одном из разделов «Эскиза систематической классификации философских учений» (1885–1886). В семнадцать лет он слушал лекции по философии Шарля Поре в коллеже Роллен. Они не оказали на юного ученика желательного педагогического результата. «Мой очень достойный профессор, г. Поре, ничему меня не научил, не потому, что это было его ошибкой, и не потому, что я не имел никакой склонности к занятию общими идеями, напротив; но я был тогда заражен сен-симонистскими проповедями; я читал *Глоб* во время занятий; меня убедили, что человеческие верования скоро полностью обновятся, что старый арсенал познания и груды библиотек уже потеряли свою ценность» [Renouvier, 1886, t. 2, p. 358]. Увлечение сен-симонизмом, по признанию философа, продлилось у него примерно до двадцатилетнего возраста. Оно оставило ему «в наследство жестокое разочарование», равно как «ребяческое презрение к аналитическим приемам и скромным знаниям». Ренувье поступает в Политехническую школу, где посвящает четыре года математическим занятиям. О них он вспоминал с благодарностью, говорил, что они приучили его «размышлять о методах, искать их истинный смысл и оправдание».

Во время учебы в Политехнической школе он изучает главный труд Конта, по-видимому, знакомится и с самим его автором, работавшим при ней в качестве репетитора (1834). Соприкосновение с позитивистскими идеями не проходит для Ренувье впустую. Как отмечал Октав Амлен (Гамелен): «Хотя позднее он был противником позитивизма по многим пунктам, он находил удовольствие в том, что красиво отдавал справедливость математической части курса позитивной философии. Он объявляет ее находящейся далеко впереди того рутинного обучения, которое получил» [Hamelin, 1927, p. 7]. Но, как бы то ни было, гораздо значительнее оказалось влияние на мировосприятие будущего теоретика неокритицизма картезианских идей. По свидетельству Ренувье, ему случайно довелось прочитать «Первоначала философии» Декарта. Книга его поразила; он обратился и к другим сочинениям великого рационалиста. Ренувье вспоминал, как с «истинным восторгом» он тогда приобщился к «этому математическому методу, примененному к идеям, к этой столь твердой мысли, к этому столь прекрасному и полному языку, этой мощно сконструированной системе» [Renouvier, 1886, t. 2, p. 359]. Погружение в многообразный мир смыслов системы Декарта прояснило для Ренувье вопрос о его собственном призвании. Он посвящает свою жизнь философии. Прежде всего, читает произведения Спинозы, Лейбница, Мальбранша, пишет конкурсное сочинение о картезианстве. По собственному признанию, он приписывал «преобладающую роль математическим и физическим идеям» Декарта. «Таков был, следовательно, мой исходный пункт» [Ibid.]. Постепенно Ренувье приходит к убеждению, что Кант в «Критике чистого разума» «окончательно опроверг» доктрину Декарта.

Ренувье упорно, последовательно работает над построением системы, нашедшей выражение в «Опытах общей критики» (т. 1–4, 1854–1864). В качестве «формального вывода критицизма» он провозглашает положение о том, что для сознания существованием обладают только феномены, реальность должна рассматриваться как совокупность феноменов и соединяющих их законов. Призывая четко опре-

делить границы познания, он заявлял, что «универсальный синтез» противоречив и ненаучен, независимо от того, пытаются ли философы обозначать его предельно широкими понятиями Бога или мира. Ренувье признавал, что «формальный вывод» его неокритицизма близок позитивистской философии, но настаивал на том, что его подход лишен существенных ошибок и «крайних заблуждений» последней. Отдавая должное Канту за открытие важных теоретико-познавательных истин, он видел недостаток учения немецкого мыслителя в излишне доверчивом отношении к принятой в его время психологии. «Общая критика» человеческого познания «вдохновляется духом науки; она есть сам этот дух» [Renouvier, 1854, t. 1, p. VI]. В рамках своей системы неокритицизма Ренувье уделяет значительное внимание проблеме свободы. Заметим, что Габриэль Сеай с полным на то основанием утверждал: «Философия Ренувье есть философия свободы» [Séailles, 1905, p. 1].

В 1848 г., поддерживаемый Карно, министром временного правительства, он публикует «Республиканский учебник человека и гражданина». Его политические надежды в нем выражены вполне четко: «Мы живем при республике, и с божьей помощью, если мы мудры, при ней и останемся» [Renouvier, 1904, p. 123]. Моральной целью человека в земной жизни он называет достижение счастья, а оно возможно только при самосовершенствовании. Условием совместного продвижения людей к братству и совершенству выступает разумно организованная политическая система, в которой народ делегирует полномочия представителям исполнительной и законодательной власти. Ренувье заявлял, что некогда короли силой навязали французскому народу свое «величество» мнимо божественного происхождения. Отныне же народ сам будет избирать своих представителей, которым предстоит принять законы, отвечающие его интересам.

По существу, в «Ухронии» Ренувье нашли отражение, пусть и в разной степени, различные теоретические установки, воспринятые, равно как и самостоятельно выдвинутые им на предшествующих этапах творческого пути. В этом произведении можно найти отголоски социалистических, позитивистских, кантовских идей. В нем проводится концепция прогресса, подчеркиваются идеи равенства, социальной справедливости, толерантности, отвергается деспотизм и фанатизм, утверждается исключительное значение интеллектуальных достижений для общего хода человеческой истории. Нашло своеобразное преломление в нем и учение о вечном мире. Концепция свободы, получившая ранее у Ренувье обоснование в теоретико-познавательной сфере, обретает обстоятельное практическое приложение.

Незадолго до смерти философ сказал: «Я искренне, бескорыстно искал истину. Я не помню ни одной написанной мною строки, которая не была бы выражением моей мысли» [Renouvier, 1930, p. 5]. Вряд ли имеется повод для сомнений в том, что именно так и выглядело для философа восприятие собственного творческого пути. Внимательно присмотримся к его учению об альтернативах в истории.

По форме «Ухрония» совсем не напоминает большинство философских трактатов своей эпохи. Это художественный текст, пронизанный мировоззренческими установками. В нем раскрывается, по замыслу Ренувье, «история европейской цивилизации, которой она не была, какой она могла бы быть» [Renouvier, 1988, p. 9]. Размышления об условных возможностях, так и оставшихся нереализованными в истории, нужны философу не ради построения абстрактной схемы, свидетельствующей об эрудиции ее создателя и его способности к нестандартным формулировкам и ходам мысли. Его интересуют средства, раскрывающие перед человечеством дорогу к справедливому, свободному обществу.

С точки зрения структуры, «Ухрония» включает большую рукопись, приписываемую монаху эпохи Возрождения, пояснения к ней, будто бы сделанные последующими хранителями упомянутого текста, предисловие и послесловие издателя. О монахе читателю сообщается, что он пал жертвой инквизиции в Риме вскоре после

Джордано Бруно. От имени издателя Ренувье заявляет о моральной направленности книги. Ухрония – это «утопия прошедших времен». Она выстраивается на основе предположения, что некоторые исторические деятели могли бы принять иные решения, совершить иные поступки. Тогда облик цивилизации оказался бы отличным от известного из многочисленных мемуаров и учебников. «Ухрония» призвана побудить читателя задуматься над проблемами, связанными с человеческой свободой. Она реальна в прошлом, действительна она и в настоящем. Сам факт ее признания многое меняет в нашем отношении к жизни. Отвергая идею предопределенности истории, мы тем самым способствуем изменениям, трансформации социального бытия в некотором, отнюдь не самом худшем, направлении.

«Ухрония» рисует «идеал истории», в которой прогресс общественной жизни определяется «философией и развитием политических нравов». Роль же религии, согласно этой концепции, должна быть ограничена исключением всяких тенденций к фанатизму. Религии следует развиваться в рамках «свободных ассоциаций». Ренувье называет предрассудком представления о необходимости всех событий в истории. Исторический детерминизм («фатализм»), с его точки зрения, противоречит разуму и подлинной философии.

В изложении альтернативной версии истории используется хронология по олимпиадам. Тем самым подчеркивается расхождение доминирующих линий в культуре, а не только политических принципов и отдельных событий. Но начало рукописи посвящено событиям реальной истории древнего мира, их авторской характеристике. Читатель постепенно подготавливается к переходу в особое смысловое пространство, лишь частично сопряженное с хорошо известными фактами. Подчеркивается различие нравов восточных и западных народов. В одном случае труд считается занятием презренным, достойным рабов, в другом – связан с моральным уважением. Различие это объясняется в рукописи отношениями собственности. Упоминается в ней о греко-персидских войнах, походах Александра Македонского. Завоевания великого полководца имели колоссальный, притом «фатальный эффект»: Восток был подчинен, но не подвергся радикальной трансформации, напротив, греческая элита испытала сильное влияние его нравов. Римская империя, при всех ее отличиях от восточных деспотий, имела с ними и нечто общее. Речь идет о распространенности рабского труда, чрезмерной роскоши, доступной немногим фамилиям, о презрении власть имущих к народу, о культе силы и легкости, с какой смотрели на пролитие крови.

Безо всякого перерыва, не обрывая ни главы, ни общей канвы размышлений автора, повествование от событий действительной истории перетекает в область возможного ее ответвления. Такого рода прием не случаен: Ренувье стремится подчеркнуть неотделимость причин от следствий в историческом процессе. Кроме того, он в очередной раз демонстрирует свою приверженность идее, отвергающей фатальную неизбежность всего свершившегося. В альтернативной версии истории встречается немало хорошо известных имен. Но контекст деятельности этих выдающихся личностей изменен. Поворотной точкой, открывающей иные исторические перспективы, в рукописи выступает эпоха Марка Аврелия. Авидий Кассий не был убит собственными солдатами, но направил Марку Аврелию мудрое письмо, в котором выразил желание вернуть народу утраченные им права. Он говорил об опасностях, влекущих империю к гибели, призывал вступить с ним в союз ради проведения спасительных реформ. Отказавшись от войны, два выдающихся деятеля наметили общий план масштабных социальных преобразований. Этот план получил одобрение сената, за него проголосовали комиции. Реформы предполагали расширение гражданских прав на женщин, детей и рабов, замену профессиональной армии обязательной трехлетней воинской службой для мужчин, развитие морального и физического воспитания жителей страны, включающего знакомство с законодательством, литературой и философией. В то же время в гражданских правах было

отказано приверженцам христианства, провозглашающим презрение к миру и подчиняющим свою волю интересам, чуждым римскому светскому государству. Реформы не продвигались легко, они встретили немало трудностей на своем пути. В дальнейшие события оказались вовлечены в качестве важнейших действующих лиц Коммод, Север, Пертинакс. Преторианская гвардия была упразднена. Христиане, не желавшие приносить гражданскую присягу, получили возможность свободно покинуть западные провинции и эмигрировали в Африку, Сирию, Палестину, Малую Азию. Отправляемый в Рим культ претерпел изменения политического плана. Сенат объявил религию объектом веры, но не обязанностей. В такого рода условиях наибольшее влияние в Риме сохранило почитание богов-покровителей домашнего очага. Обращение к подобным богам оставалось наиболее привычным и понятным для граждан. Римляне отказались от всех своих привилегий, в политическом плане приняли идею равенства с жителями всех некогда покоренных ими стран. Система управления страной претерпела существенные изменения. В сенате, учитывая его новую структуру, нашли отражение интересы всех классов граждан. Назначаемая сенатом пятерка трибунов выдвигалась от разных провинций. Наследственный консулат был запрещен законом. Фигура императора исчезла с горизонта государственной жизни. Таким образом, в политической сфере произошло возвращение к республиканским традициям, но с учетом новых реалий общественной жизни.

В альтернативной версии истории христианство не смогло восторжествовать на Западе, зато утвердилось на Востоке. Но единое обширное римское государство распадается и на этой линии событий. Начало положил мятеж против центрального правительства, вспыхнувший одновременно в Африке и Азии. Его подлинным вдохновителем был религиозный фанатизм, придающий собственным ценностям приоритетное значение в сравнении с гражданскими законами и политической властью. Религиозная нетерпимость способствовала торжеству политического деспотизма. В среде христиан началась борьба различных сект, каждая из которых считала себя единственной носительницей истины. В подобных условиях провинциальные власти могли установить относительный мир и безопасность, лишь принимая насильственные меры. Анархия всегда рождает деспотизм. В тенденции она вела к образованию «унитарной теократии». Запад же в это время сохранял «всеобщую толерантность» и отдавал приоритет гражданской идее.

Восстание на Востоке сопровождалось вторжением гуннов. Римскому государству и прежде приходилось вести непрерывную борьбу с натиском варварских племен на его границы, но поход гуннов в сочетании с внутренним мятежом вызвал особое, необычное потрясение. Сенат разделился на две непримиримые партии, а затем и вовсе подчинился диктату толпы, которой ее предводители приписывали непогрешимость и высший патриотизм. В результате пала система правления, созданная с учетом достойных и разумных соображений политическими деятелями прошлых лет. Была провозглашена десятилетняя диктатура. Флавий Феодосий в роли диктатора не смог ни разгромить варваров, ни подавить восстание восточных провинций. В то время как Атила стремился только к грабежу и разрушениям, Аларих и Теодорих предпринимали усилия по созданию собственных империй, рассчитывая на их долговечность. После смерти Теодориха ускорился процесс политического дробления на территории некогда единой державы. Многие области обезлюдели, некоторые большие, прославленные города оказались заброшены. Значительная часть культурных ценностей погибла. Фанатики призывали к сожжению всех светских книг, разрушению храмов, посвященных, по их представлениям, ложным богам. Торговля пришла в упадок. Науки оказались в бедственном положении. Наступила эпоха торжества феодального принципа в общественной жизни. На Востоке возникает новое религиозное учреждение – Святая инквизиция. Под предлогом борьбы с ересью запрещается чтение Священного Писания для всех, кроме

священнослужителей. При этом утверждается, что только они имеют право говорить от имени религии.

Западные народы провозглашают свою независимость. Галлия, Британия, Испания отделяются от Рима. В Греции возникает союз федеративных государств. Повсеместно на Западе получает распространение мнение о том, что языческие боги являются всего лишь символами природных сил или персонифицированными человеческими аффектами. Христианство возвращается на Запад, представленный теперь множеством республик, в очищенном от фанатизма виде. Идея искупления воспринимается обществом по-новому благодаря прогрессу философского и научного знания. Параллельно возникает феномен неоплатонизма, доктрина которого пользуется широким влиянием. В светском образовании особое значение придается принципам стоицизма. Прежде всего, стоическая мораль и догма о провидении выступают своего рода «эквивалентом религиозного закона».

Наконец, на Востоке провозглашается мысль о необходимости, в интересах истинной веры, завоевать Рим, дабы религия и мир в целом обрели свое единство. Начинается эпоха крестовых походов, которые, в альтернативной версии истории, направлены с Востока на Запад. Первый поход слабо вооруженной, хотя и несметной толпы паломников, возглавили священники и офицеры-фанатики. Большинство его участников бесславно погибло в Мезии и Паннонии. Последующие походы имели настоящую военную организацию, но успехи христиан оказались крайне незначительны. Наиболее масштабный поход представлял собой морскую экспедицию, направленную из Африки в Италию. Христиане осадили Неаполь, но, после поражения их флота, оказались отрезаны от своих баз и в итоге сдались.

По завершении эпохи крестовых походов общество претерпевает серьезные изменения. Западные народы осознают необходимость вернуться к единству ради свободы, которую им удалось отстоять. Идея эта далеко не сразу найдет свое воплощение. Предпосылкой к ее реализации выступают союзы отдельных государств. В религиозной сфере важное значение имело выступление сторонников «реформированной религии», которые, отстаивая христианское вероучение, противопоставляли семейные добродетели злоупотреблениям священников. Их борьба подготовила широкое распространение на Западе обновленного христианства, выдвигавшего на первый план идеи предопределения и спасения только верою. Христианская религия становится делом индивидуального сознания. В то же время значительные открытия совершаются в области естествознания. Меняется восприятие вселенной, раздвигаются ее пространственные границы, а земной мир рассматривается теперь как один из многих. Распространение книгопечатания оказывает колоссальное воздействие на моральную жизнь человечества. Отныне книги становятся общедоступными. Совершаются географические открытия, сопровождающиеся колонизацией и развитием торговли. Но, вместе с тем, все еще не изжитыми остаются войны между западными республиками.

Средние века Ренувье, по существу, трактует как переходный этап от античной свободы к новоевропейской. Эпоха великих открытий и расширения торговли подготовила появление знатных людей нового типа, положение которых определялось их собственными достижениями, удачей в делах, а не происхождением. В то время как часть этих нотаблей оставалась преданной народному делу, остальные составили олигархическое сословие, озабоченное только своими привилегиями. Вполне естественно, что люди по-прежнему боролись за власть и богатство. Точно так же каждая нация стремилась стать самой великой, первой, господствующей, не останавливаясь перед преступлениями в реализации своих намерений. Анархия в отношениях между народами никак не могла способствовать безопасности жизни. Постепенно пришел конец религиозным войнам, в сознании людей прочно укореняется принцип «всеобщей толерантности», глубокого уважения к чужим мнениям.

Приходит конец и торговым войнам, ибо становится очевидной невозможность установления продолжительной монополии в угоду жадности какой-либо одной нации. Национальные войны за преобладающее положение в мире также должны прекратиться, коль скоро получит распространение концепция справедливой внутренней и внешней политики государств. Эта концепция предполагает прославление труда как наиболее достойного направления человеческой деятельности, равно как и совместной работы, направляемой общими, возвышенными идеями. Ренувье, по существу, предсказывает направление развития человеческой цивилизации: «Речь идет о введении свободы и моральности в понятие государства» [Renouvier, 1988, p. 321]. Сближение интересов народов благоприятствует созданию европейской федерации и, в перспективе, установлению прочного мира.

Характеризуя собственный метод, Ренувье замечает будто бы об авторе рукописи: «...он не подталкивает воображаемую историю за пределы того, что он может, следуя опыту, предполагать о человеческой природе» [Ibid., p. 318].

Концепция Ренувье допускает долгие и краткие пути к достижению отвечающих человеческой природе целей. Ссылаясь на изображенную им альтернативную реальность, он утверждает: «Если бы мы сами, сегодня, достигли этого пункта цивилизации, можно было бы резюмировать гипотезу *Ухронии*, сказав, что она побуждает выиграть тысячу лет в истории. Но мы его не достигли» [Ibid.].

В «Ухронии» Ренувье легко заметить слегка завуалированную критику режима Наполеона III. Так, в альтернативном проекте истории ни одному политическому деятелю (сколь бы высоким ни был его ранг), непозволительно насильственно менять конституцию и использовать армию против законной власти. Не менее существенна и такого рода деталь: Сенат, руководящий политикой республики, отбросил идею пожизненного консульства, как «плохо закончившую».

Позднее, в «Науке о морали» (1869) он следующим образом пояснял свои воззрения на природу человеческой свободы: «Свобода, рассматриваемая в чистой морали и ее правильных приложениях, является всеобщей целью и универсальным средством: целью, потому что моральный закон, господство которого надлежит установить, определяется через автономию и уважение автономии; средством, потому что свобода может происходить всегда только из свободных действий» [Renouvier, 1869, t. 2, p. 482].

Историки философии справедливо обращали внимание на важные черты философского мышления Ренувье. Согласно Гастону Мило, к каким бы проблемам ни обращался Ренувье, «он никогда не перестает черпать основу своей мысли в истоках учения, которое само покоится на тонком анализе первых условий познания, верования и действия» [Milhaud, 1927, p. 9]. Поль Жане в своей оценке выделял следующий момент: «В общем, философия Ренувье обращает на себя внимание своим особенным предубеждением против идеи единства... Таким образом, феноменальная множественность в сознании, множественность существ в универсуме, множественность повсюду: вот система Ренувье» [Janet, 1879, p. 195]. А.И. Введенский подчеркивал: «...нравственный закон понимается не как постулат, – в этом особенность критицизма Ренувье, сравнительно с критицизмом Канта, – а как факт; мы свободны, т.е. фактически всегда поступаем как свободные» [Введенский, 2016, с. 260]. Согласно Г.В. Флоровскому, «Ренувье сознавал в себе призвание проповедника, он философствовал для жизни, философия была для него жизненным, практическим делом. И в этом отношении он всегда оставался сыном того мечтательного века, когда Сен-Симон, Конт, Фурье и многие другие грезили о всецелом обновлении человеческого рода на основах всеобъемлющего мировоззрительного синтеза. О таком преобразовании человеческого общества мечтал всю жизнь и Ренувье, – о том, чтобы нынешняя эпоха всеобщего разлада и борьбы сменилась эпохой мира и согласия» [Флоровский, 1928, с. 112].

Эдгар Янсен рассматривал Ренувье как «наиболее значительного и упорного противника материализма, детерминизма и эволюционизма, и кажется, что его сражения за идеи не были даны напрасно» [Janssens, 1904, p. 14]. И.И. Лапшин, в свою очередь, настаивал: «Итак, свобода для Ренувье – действенное начало в жизни человека, она вносит творческий момент, как в жизнь отдельного человека, так и в весь исторический процесс. Этика и философия истории неразрывны между собой» [Лапшин, 1914, с. 80]. По Лапшину, «Ухрония» была написана с целью выразить в художественной форме идею человечества, самостоятельно создающего свое счастье. Роже Верно, выделяя три этапа творческой эволюции Ренувье, определял их таким образом: первый ознаменован обращением к философии, под знаком идеализма, стремящегося избежать субъективизма. Второй – обращение к финитизму, третий – к монотеизму [Verneaux, 1957, p. 210]. Эмиль Брейе констатирует: «Ренувье – прирожденный противник всех учений, которые, под каким бы то ни было названием, рассматривают моральную жизнь человека как необходимую и кратковременную манифестацию универсальных закона или реальности: научного детерминизма, исторического фатализма, мистицизма, материализма, эволюционизма, с этой точки зрения, все эти доктрины образуют, на его взгляд, единство, поскольку поглощают и уничтожают личность» [Bréhier, 2004, p. 1576].

Рене Верденаль обобщает представления об эволюции лидера французского неокритицизма: «Начиная с *Эскиза классификации философских систем* вплоть до *Персонализма*, Ренувье вел энергичную борьбу против морального, или интеллектуального, или политического догматизма» [Verdenal, 1999, p. 63]. Как подчеркивает И.И. Блауберг, «взамен философии истории, исходящей из идеи законов исторического развития, Р., противник детерминизма, предложил свою “ухронию” – исторический набросок того, как могло бы развиваться европейское общество» [Блауберг, 2016, с. 367]. Жан-Луи Дюма отмечает: «Выпускник Политехнической школы, прельщенный сперва сен-симонизмом, Ренувье публикует в 1848 г. *Республиканский учебник человека и гражданина*, выражающий весьма эклектичный социализм» [Dumas, 2001, p. 1321]. В.П. Визгин, упоминая политические воззрения приверженца неокритицизма, обоснованно резюмирует: «К 1869 г., после выхода в свет “Науки морали”, Ренувье решает круто изменить образ жизни. С политической активностью либерально-республиканской окраски, с надеждами на ее успех он решительно покончил после переворота 18 брюмера Луи Бонапарта. Режим Второй империи был ему чужд, чтобы не сказать резко. Республиканские убеждения и симпатии в нем остались» [Визгин, 2022, с. 76].

Философия исторических альтернатив Ренувье заключала в себе множество смыслов, тесно переплетающихся с современной мыслителю политической практикой, с наследием выдающихся представителей предшествующей интеллектуальной культуры, с идеями, которым еще предстояло оформиться в будущем веке. Развивая концепцию «утопии в истории», Ренувье отстаивал республиканский идеал. Во многом именно этим обстоятельством объясняется модель исторического прошлого, в рамках которой предполагается возврат от Римской империи к республике. Сама форма размышлений о прошлом позволяла философу, пусть и в непрямой форме, высказать свое негативное отношение к режиму Второй империи во Франции. Будущее человеческой цивилизации он связывал с отказом от монархических институтов.

Примечательно, что альтернативная версия истории сохраняет немало лиц и событий реального прошлого. Так, римское государство распадается также и на вымышленной линии движения человечества, есть там и свое Возрождение, и крестовые походы (пусть и в специфическом, «перевернутом» виде). Выходит, в концепции Ренувье свобода в истории не ведет к необычным, отклоняющимся от повседневного опыта, совсем уж непредсказуемым результатам, в принципе непредвиденным событиям.

С системами предшественников философа объединяет ориентация на теорию прогресса, критика злоупотреблений священнослужителей, религиозного фанатизма и деспотизма. Он призывал к учету интересов народа, которые не находили понимания у большинства властителей прошлого. Если по ряду мировоззренческих установок он близок просветительской мысли и генетически связанным с нею течениям начала XIX в., то, в отличие, например, от Вольтера, в своей «Ухронии» отнюдь не был склонен критиковать европоцентризм.

Идея упущенных возможностей в истории и политике неоднократно обсуждалась в течение последнего столетия. Идея эта сближает Ренувье с целым рядом последующих мыслителей. Как непримиримый противник представления о предопределенности в истории, он может рассматриваться в качестве предшественника Бергсона в критике телеологии.

Для мировосприятия Ренувье чрезвычайно показательным убеждением в возможности выиграть тысячу лет в развитии человечества. Отсюда неявно вытекает неравнозначность вероятных ответвлений в истории, их ограниченное число, ибо результат в итоге мыслится как сходный, при значительном различии путей и времени движения к нему.

По-видимому, вполне актуально сегодня выглядит установка Ренувье на придание морального измерения понятию государства, равно как и учение о действительности свободной воли человека, и предостережение о нереализованных возможностях, пренебрежение которыми может служить препятствием улучшению общественной жизни. В стремлении Ренувье заключить интерпретацию реальной, так же как и возможной, истории в рамки представлений о человеческой природе присутствует не только своя сильная, но и слабая, с теоретической точки зрения, сторона. Сильная сторона связана с установкой использовать критерии гуманности для оценки социальных процессов. Слабая же сторона сопряжена с ограниченностью представлений о человеке, свойственной концепции неокритицизма, в акцентировании в ней прежде всего теоретико-познавательных мотивов. По мнению автора «Ухронии», прогресс общественной жизни определяется напрямую ведущими идеями эпохи – философскими, религиозными, политическими, научными. Конечно, идеи эти важны, но преувеличенное внимание к ним оборачивается недооценкой иных факторов социального бытия.

Список литературы

- Блауберг, 2016 – *Блауберг И.И.* Ренувье // *Философы Франции. Словарь.* М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 366–368.
- Введенский, 2016 – *Введенский А.И.* Современное состояние философии в Германии и Франции. Ч. 2: Философия в современной Франции. М.: Ленанд, 2016. 344 с.
- Визгин, 2022 – *Визгин В.П.* Философия свободы Шарля Секретана // *История философии / History of Philosophy.* 2022. № 1. С. 68–83.
- Лапшин, 1914 – *Лапшин И.И.* Неокритицизм Шарля Ренувье // *Новые идеи в философии.* 1914. № 13. С. 66–113.
- Флоровский, 1928 – *Флоровский Г.В.* Шарль Ренувье // *Путь.* 1928. № 14. С. 111–116.
- Dumas, 2001 – *Dumas J.-L.* Renouvier // *Dictionnaire des philosophes.* P.: Albin Michel, 2001. P. 1321.
- Bréhier, 2004 – *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. P.: PUF, 2004. 1790 p.
- Hamelin, 1927 – *Hamelin O.* Le système de Renouvier. P.: Vrin, 1927. 454 p.
- Janet, 1879 – *Janet P.* La philosophie française contemporaine. P.: Calmann Lévy, 1879. 458 p.
- Janssens, 1904 – *Janssens E.* Le Néo-Criticisme de Charles Renouvier. P.: Félix Alcan, 1904. 318 p.
- Milhaud, 1927 – *Milhaud G.* La philosophie de Charles Renouvier. P.: Vrin, 1927. 161 p.
- Renouvier, 1854 – *Renouvier C.* Essais de critique générale. T. 1–4. P.: Ladrance, 1854–1864.

- Renouvier, 1869 – *Renouvier C. Science de la morale*. Т. 1–2. P.: Ladrance, 1869.
- Renouvier, 1885 – *Renouvier C. Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques*. Т. 1–2. P.: Bureau de la critique philosophique, 1885–1886.
- Renouvier, 1904 – *Renouvier C. Manuel républicain de l'homme et du citoyen*. P.: Armand Colin, 1904. 314 p.
- Renouvier, 1930 – *Renouvier C. Les derniers entretiens*. P.: Vrin, 1930. 107 p.
- Renouvier, 1988 – *Renouvier C. Uchronie*. P.: Fayard, 1988. 474 p.
- Séailles, 1905 – *Séailles G. La philosophie de Charles Renouvier*. P.: Félix Alcan, 1905. 400 p.
- Verdenal, 1999 – *Verdenal R. Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin // Histoire de la philosophie / Sous la dir. de F. Châtelet*. Т. VI. P.: Hachette, 1999. P. 37–65.
- Verneaux, 1957 – *Verneaux R. Renouvier et le neo-criticisme // Weber A., Huisman D. éd. Tableau de la philosophie contemporaine*. P.: Fischbacher, 1957. P. 209–217.

Philosophy of Historical Alternatives: “Uchronie” by Charles Renouvier

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University. Lomonosovsky prospect, 27/4, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: krotov@philos.msu.ru

The article analyzes the philosophy of the history of French neo-Kantianism school founder, the creator of the idea of Uchronia, Charles Renouvier. Attention is focused on the theoretical attitudes inherent in various stages of the creative development of Renouvier, and on their connection with «utopia in history». In his philosophy of history, Renouvier opposed the concept of predestination, the need for all events taking place. He insisted on the presence of freedom in history, on the possibility of moving along other paths of social reality, not fixed by tradition. In the alternative version of history depicted by the French thinker, Christianity triumphed not in the West, but in the East. The Crusades took place but were geographically directed in the opposite course. Progress in understanding of religion later returned Christianity to the West in a form cleared of fanaticism. Renouvier connected the future of human civilization with the republican social structure. He predicted the end of all kinds of wars. In a cautious, veiled form he criticized the Second Empire regime in France. Renouvier's concept contained both strengths and weaknesses. It is fruitful in its call to focus in political life on the idea of the effectiveness of human free will, the idea of maximizing the moral content of the concept of the state. It is vulnerable in its intention to attach decisive importance to the intellectual factor in history.

Keywords: Charles Renouvier, neocriticism, Uchronie, French philosophy, philosophy of history

References

- Blauberg I.I. Renouvier. In: *Filosofy Francii. Slovar* [Philosophers of France. Vocabulary]. Moscow; St.-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2016, pp. 366–368. (In Russian)
- Bréhier E. *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF, 2004. 1790 p.
- Dumas J.-L. Renouvier, *Dictionnaire des philosophes*. Paris: Albin Michel, 2001, p. 1321.
- Florovskij G.V. Charles Renouvier, *Put* [Way], 1928, no. 14, pp. 111–116. (In Russian)
- Hamelin O. *Le système de Renouvier*. Paris: Vrin, 1927. 454 p.
- Janet P. *La philosophie française contemporaine*. Paris: Calmann Lévy, 1879. 458 p.
- Janssens E. *Le Néo-Criticisme de Charles Renouvier*. Paris: Félix Alcan, 1904. 318 p.
- Lapshin I.I. Neokriticizm Charles'a Renouvier [The Neocriticism of Charles Renouvier], *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy], 1914, no. 13, pp. 66–113. (In Russian)
- Milhaud G. *La philosophie de Charles Renouvier*. Paris: Vrin, 1927. 161 p.
- Renouvier C. *Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques*, t. 1–2. Paris: Bureau de la critique philosophique, 1885–1886.
- Renouvier C. *Essais de critique générale*, t. 1–4. Paris: Ladrance, 1854–1864.

- Renouvier C. *Les derniers entretiens*. Paris: Vrin, 1930. 107 p.
- Renouvier C. *Manuel républicain de l'homme et du citoyen*. Paris: Armand Colin, 1904. 314 p.
- Renouvier C. *Science de la morale*, t. 1-2. Paris: Ladrance, 1869.
- Renouvier C. *Uchronie*. Paris: Fayard, 1988. 474 p.
- Séailles G. *La philosophie de Charles Renouvier*. Paris: Félix Alcan, 1905. 400 p.
- Verdenal R. Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin, *Histoire de la philosophie*, sous la dir. de F. Châtelet, t. VI. Paris: Hachette, 1999, pp. 37-65.
- Verneaux R. Renouvier et le neo-criticisme. In: Weber A., Huisman D., éd. *Tableau de la philosophie contemporaine*. Paris: Fischbacher, 1957, pp. 209-217.
- Vizgin V.P. Filosofija svobody Charles'a Secretan'a [The Charles Secrétan's Philosophy of Freedom], *Istoria filosofii / History of Philosophy*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 68-83. (In Russian)
- Vvedenskij A.I. *Sovremennoe sostoyanie filosofii v Germanii i Francii*, ch. 2: Filosofiya v sovremennoj Francii [The Current State of Philosophy in Germany and France. Part 2: Philosophy in Modern France]. Moscow: Lenand Publ., 2016. 344 p. (In Russian)